

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ПРОСТЫЕ РАДОСТИ

ИСТОРИИ О БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ И
МАЛЕНЬКИХ ЧУДЕСАХ

Екатерина Дорн
Простые радости

«Издательские решения»

Дорн Е.

Простые радости / Е. Дорн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509545-9

Что для вас простые радости? Снять туфли после целого дня на каблуках? Вдохнуть аромат новой книги? Или провести выходные вдвоем, наслаждаясь бездельем? В сборнике рассказов, который вы держите в руках, собраны уютные истории, которые по-своему отвечают на этот вопрос. Устройтесь поудобнее, укройтесь пушистым пледом и погрузитесь в мир искренних и душевных хюгге-рассказов... Таких, от которых теплее на сердце! И нестерпимо хочется жить.

ISBN 978-5-00-509545-9

© Дорн Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
ЧАСТЬ 1	7
Взрослая правда	7
Блаженная?	9
Проще радость – ярче эмоции	10
Маленькое счастье	12
Невеликое счастье	13
Вкус жизни	14
Бзык	15
Странные существа	17
Скрепьш	19
Осенняя радость	21
Официант	23
Ответ на её жизнь	25
Сила рода, или чай с антоновкой	27
Последние рассветы	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Простые радости

Редактор Екатерина Дорн

Редактор Asya Rait

Дизайнер обложки Екатерина Дорн

© Екатерина Дорн, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-9545-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«В ожидании большого счастья, никогда не стоит отказывать себе в маленьких радостях. Хотя бы потому, что они могут очень здорово скрасить это ожидание»

Олег Рой

Что для вас простые радости? Снять туфли после целого дня на каблуках? Вдохнуть аромат новой книги? Или провести выходные вдвоем, наслаждаясь бездельем? Мы задали этот вопрос в социальной сети Instagram и превратили ответы в удивительный литературный марафон «Простые радости».

С 7 по 21 октября 2019 года более 200 участников получили от организаторов четыре задания – четыре повода написать теплую и уютную историю о самом главном:

Счастье в мелочах
Чудеса случаются
Доброта спасет мир
О любви

Результатом этого марафона стали почти 700 рассказов: настоящих, искренних, душевных... Таких, от которых теплее на сердце! И нестерпимо хочется жить.

Выбрать лучшие истории было очень сложно, и все-таки самые достойные мы собрали в сборник, который вы держите в руках. Он получился теплым и уютным, словно огромный шерстяной свитер, чашка какао или трескучее пламя камина. Неслучайно участники окрестили наш литературный проект «хюгге-марафон»!

Мы благодарим за поддержку кураторов проекта Анну @anna_moulin, Асю @asya.raita, Таню @grafomat и Марину @vverh.tormashkami. Спасибо вам! И спасибо всем авторам, которые поделились с нами (и вами) теплом своей души.

Уютного чтения!

С любовью и искренним восхищением, организатор марафона «Простые радости» Катя @yes_im_writer

ЧАСТЬ 1

СЧАСТЬЕ В МЕЛОЧАХ

Взрослая правда

– Девушка, подайте мячик! – белокурая пухляшка ласково помахала мне из-за высоких пик забора у футбольного поля.

– Девушка! Ха-ха! – пробасила рядом глумливая рожа пубертатного разлива. – Де-е-е-вушка! А-а-а!..

Я улыбнулась девчужке, пинком отправила мяч на ее сторону и уже без улыбки глянула на подростка в чёрной куртке. «Заткнись, придурок!» – имел в виду мой взгляд. Но молодой скот не унимался:

– Д-е-е-е-вушка! Дашка-дура, какая она девушка?!

Необременительные прежде, сорок два года вдруг накрыли душным ватным одеялом. Как – уже? Я – всё? Этот говнюк будто хрястнул дверью мне по носу. По его сторону – звонкий и холодный сквозняк молодятины в солнечной листве. По мою – закрытая форточка, липкий запах корвалола, тиканье будильника в старой пустой хрущёвке.

Понурой тётей плюхнулась я в авто. Из угла салонного зеркала смотрела пара уставших глаз, меж бровей встала морщинка, мол, а я давно тебе говорю – пора и честь знать, в наши-то годы! Да я... просто не выспалась и не накрасилась просто! Да я сейчас тончика разотру, ресницы накрашу, по губам алым блеском пройдуся, я вообще-то симпатичная! И не старая... практически... мне б выспаться... Да я Ленке сейчас позвоню, вот что!

Ленка, моя идеальная подруга: старше, толще и болтливее. Кому повезло услышать, как Ленка произносит слово х@й, те сразу понимают, что перед ними завкафедрой романо-германской филологии.

– Ленусик, я в печали!

– Ща, погоду, курица возьму... Ну? Чё ты? Как ты?

– Да так. Вот скажи, Лен, я уже всё? Того? Старая, а?

– Хосспади! Дурная ты – это да, а старая – не. Если ты старая, мне что, каблук скидывать, тапки белые мерить? С дуба рухнула, мать? Те кто там мозг парит, муж? Дети?

– Ну, типа дети, да...

– Вмажь им по шее! «Молодая – старая» – это подростковая хрень, как прыщи. Взрослая правда такая: бабы бывают ебабельные и неебабельные – всё! И это не про возраст! Ты бабку мою помнишь? Раю, да. Ну? В шестьдесят семь лет за грибами в лес шла, губы красила. Я ей: «Баб! На кой?» А она: «А ну как татарин какой попадётся?» – Ленка хрипловато засмеялась. – И ведь попался! Слышь? Правда, не татарин – целый еврей! Ну как целый, полноги в нём не хватало. Молоденький, ага, шестьдесят один годик. А бабке за семьдесят было, когда они поженились.

– Что, прям по-взрослому?

– А то! Свечку не держала, но койка у них одна в доме была... Так что ты, девочка, бабку мою на том свете не смейся – старая она! Муж тербонькает?

– Тербонькает...

– Кто б сомневался! Всё, Оксанка, не беси меня! У меня конференция через два часа, башка не мытая, а я тут тебя жизни учу. Пока, давай, не дури!

«Ебабельна, тербонькает»... Вот откуда в её учёной голове такие бубенцы расписные? Разговорчики горяченькие, солёные хиханьки да хаханьки, чёрный перец матерка – и вот уже

едет по Гагарина весёлая баба, и машинка у нее красивенькая, и тёплый ветер в открытое окошко, и в левом углу салонного зеркала улыбаются зелёные глаза. А морщинка меж бровей расправилась и замолчала, не любит она вот это вот всё.

Сергеева Оксана
@kniga_os

Блаженная?

Алёнка откинулась на тощую больничную подушку, от которой ощутимо пахло хлоркой, натянула до подбородка колючее одеяло и выдохнула:

– Хорошо-то как!

– Что здесь может быть хорошего? – полная дама в бордовом вельветовом домашнем костюме скривилась и брезгливо поджала полные губы. – Ванны в палате нет, одна раковина, а купаться извольте в общем обшарпанном душе в конце коридора. Мутная жидкость – не иначе как суп из табуретки, котлеты, скорей всего, из туалетной бумаги с добавлением лука. Компот из сухофруктов, который испортить невозможно, и тот несёт половой тряпкой. И это они называют обедом!

– А мне девчонки пижаму принесли, – невпопад ответила Алёнка. – Как замечательно!

– Пижаму? И что замечательного в пижаме? Это вообще не комильфо – среди бела дня обрядаться в пижаму. Больница – не повод распускаться, – пожалала плечами дама, раскладывая пожитки в покосившуюся трёхногую тумбочку.

– А ещё мне передали тёплые носки, их мама вязала из шерсти нашей козы Марфы, – продолжала радоваться Алёнка, высунув из-под одеяла ногу в толстенном пуховом носке. – Я теплолюбивая, всё время мёрзну, а теперь совсем-совсем согрелась, – прижмурилась она от удовольствия.

– Ты откуда взялась такая блаженная?

– Из реанимации, – смущённо улыбнулась Алёнка. – Меня по скорой прямо с лекции по истории привезли, с перитонитом. Прооперировали и пять дней держали в реанимации. Думали, не выживу. А я оклемалась. У нас вся родня живучая. Знаете? – она приподнялась на локте. – Ко мне девчонок не пускали. Я, когда в себя после операции пришла, стала медсестричку просить, чтобы хоть на минуточку, хоть одним глазком. К дядьке, что напротив лежал, два раза посетителей пускали, а ко мне – нет. Так она мне шёпотом сказала, – у Алёнки разом наполнились ужасом глаза, – что пускают только к тем, кто безнадежен. Представляете? Я больше и не заикалась о подружках. А сюда можно приходить всем-всем, – она опустила на подушку, закрыла глаза, и на лице её, как солнечный лучик, засветилась улыбка самого счастливого человека на земле.

Лариса Агафонова

@adamova.larisa

Проще радость – ярче эмоции

Представь: едешь ты, значит, в автобусе домой после тяжелого рабочего дня.

В голове миллион мыслей гоняешь, пытаешься спрятаться от горластого водителя и узнаваемого даже в страшном сне голоса Шуфутинского. Лично ты терпеть не можешь ни исполнителя, ни шансон вообще, ни воплей в целом, ни на каркающем наречии в частности, но наушники ждут тебя дома. А ты всё ещё едешь.

На сиденье рядом плюхается школьник с ароматным беляшом в пакете. Мальчуган отхватывает зубами пахнущее чесноком жареное тесто, пожевав, кусает фарш, а ты нервно сглатываешь, вспомнив о двойке в дневнике своего любимого чада, которое нужно отвезти сегодня на карате.

Кончик беляша в руках соседа наталкивает на воспоминание о содержимом холодильника: «Что там на ужин?» И тут ощущаешь внутри зарождающееся Нечто.

Сначала думаешь: «Не, показалось». Спустя пару светофоров понимаешь, что «показалось» требует внимания гораздо больше, чем очередная шансон-рапсодия и шуршащий пакетом школьник.

Ты пытаешься отвлечься, но нарастающий внутри порыв заставляет подумать о причинах его появления. «Точно, печенка была не свежей... Так и знала! Эта Маруська хранит всё по триста лет, а потом делает широкий жест благотворительности! Или она всё же решила меня отравить?!»

Но ругать Маруську бессмысленно.

Только то самое Нечто в тебе становится острее, горячее и шансы довести его до дома начинают стремиться к нулю.

«Нужно отвлечься!»

Цепляешься взглядом за вывески: «Картины. Корзины. Картонки. Здоровые собачонки»... Помогает ненадолго, поэтому мысленно умоляешь водителя не останавливаться там, где никто не планирует выйти.

Спустя ещё пару остановок школьник сбегает, оставив лёгкий чесночно-мясной дух. А ты зываешь к организму, убеждая потерпеть. Тот, хоть и соглашается, намекает, мол, он один, а против него – силы всемирного тяготения, атмосферного давления и внутреннего ускорения, бесконечно сдерживать натиск которых он не в состоянии.

Подъезжая к своей остановке, уже не можешь думать ни о чём другом, кроме: «Только бы успеть!»

Бодро выпрыгивая из автобуса, стремительно делаешь пару шагов и... замираешь.

Потому что очередной спазм не позволяет сдвинуться с места. Внутри бушует, бурлит Ниагарский водопад, но ты героически держишь его в себе. Впереди одна-единственная белая цель. И во что бы то ни стало надо до неё если не добежать, то хотя бы доползти.

Когда ты вновь можешь идти, мир вокруг перестаёт существовать. Сначала тухнут краски. Потом приглушаются звуки. Тебя не волнуют проблемы голодающих в Африке. Ты забыла про падение курса рубля. Плевать хотела на просрочку по кредиту. И посмеялась бы над двойкой в дневнике, но сейчас это чревато.

Стиснув зубы, ускоряя шаг, отбрасываешь мысли о подруге, проблемы которой выглядят розовым зефиром. Замечание прохожего «Куда прешь, дура!» от тебя отскакивает, как от Великой Китайской стены. Тебя не волнуют скандалы-интриги-расследования в соцсетях. И телефон давно убрала подальше, достав ключи от квартиры, потому что на кону Время.

А его становится всё меньше, о чём непрестанно трубят взбесившиеся в кишках кошки. Сейчас тебя волнует только один вопрос: «Добегу?»

И вот ты поднимаешься на этаж (если у вас есть лифт, считайте, вам ещё сказочно повезло), ещё в подъезде на ходу расстегиваешь пальто. Открыв трясущимися руками двери, неэффектно швыряешь сумку. Припрыгивая, бросаешь пальто и стремглав летишь на встречу с белым другом. Хорошо, если успела скинуть ботинки по пути. Хотя уж он-то примет тебя в любом виде!

Но самое трудное ещё впереди. Последние секунды! Когда нужно молниеносно освободиться от пуговиц, замочков и молний, сбросить последнее и попасть на прохладное сиденье.

Ура! Добежала!

Все-таки прав старик Маслоу, ей богу, прав. Вновь проявляются краски вокруг. Звуки становятся оглушающе громкими, тело наполняется счастьем.

И тут в двери стучит сын: «Ма-а-м! Мы опаздываем на карате!»

Светлана Белова

@slova_sveta

Маленькое счастье

Пришла зима. Царственная старуха. Обмела с подолом равнины и пригорки, спрятала под снегом овраги. Белым-бело. Спокойно. Как и у меня на душе. Словно и не было твоей измены, как оказалось – «якобы». И моего скороспелого замужества назло. Только по-настоящему. Но вот он, мир – в природе и на сердце. Холод не тётка – сковал, успокоил.

Едва зазевались – осень подвинула плечиком. Растаял снег, зачастили дожди. На улице слякоть, грязь, ветра. Собаку из дома не выгонишь. Говорят, ты вернулся из армии. Добрые люди говорят. Видно, ты привёз с собой осень в родные края. И хаос.

В один из дней декабря, когда непонятно, то ли снег, то ли дождь, то ли солнце, я вышла во двор. Бельё развесить. Хорошей погоды, поди, дождёшься ли, а стирка копится. Волей-неволей пришлось выползти из уютной избы, от теплой печки.

Руки краснели, немели. Платок сбился. Ноги еле тянула, столько грязи сразу налепилось, будто она ждала, кого б обнять. Я уже хотела вернуться в дом, окликнула Ирка, соседка: «Мукички одолжишь?» Вынесла пакет. Постояли у калитки, поболтали. Оно и ветер стих. Воздух сразу стал морозным, лёгким, свежим. Не надышишься. Отчего бы и не постоять, раз такое дело.

– Глянь-ка, кто идёт! Какие люди в Голливуде!

Из-за угла вынырнули две фигуры. Ира усмехнулась, а я замерла. Дышать перестала, не может быть! Но это – ты. Приблизился со своим спутником к нам. Неотвратимо, ужас. Мне б удрать, не оглядываясь, – а застыла истуканом.

Подожли совсем близко, и я смогла тебя рассмотреть. Господи, похудел. Похудел-то как! Одни глаза и остались. Как небушко, ясные. Всё тот же жест руки, как будто часы на запястье встряхиваешь, всё та же, как в песне, «соломенная стрижка», всё то же... и я тут такая, мамочки!

Закрыла лицо руками, отвернувшись, не спрячешь ведь, нет! Ни фуфайку бесформенную, виды выдающую, с заплатами – по хозяйству управляться; ни галошики с комьями черноты, ни платок бабушкин – повяжись, простудишь голову, малахольная. Носочки, божечки мои, трёхцветные, крупной вязки, из калош торчат ухмыляются – красотка! – ни спрятать, ни прикрыть... Это тебе не на танцах встретиться, всей из себя моднице.

– Здравствуйте!

Я повернулась в ответ, резко, со злости на себя – да какая теперь разница, как я выгляжу!

– Привет!

Ты улыбался, и я, как ни старалась сохранить хмурый вид, вспыхнула взаимной улыбкой. Мне показалось, что из-за туч, пусть на секунду, выглянуло солнце, осветило пасмурное небо, словно тоже улыбнулось вместе со мной. Ты вернулся! Ты здесь! Я могу тебя видеть, слышать. Пусть редко, случайно, но большего и не нужно. Только бы знать, что жив, здоров, всё в порядке. Только бы...#

Возвращалась со двора вприпрыжку, словно козлёнок. Как мало надо для радости, как просто стать счастливой! «А когда человек счастлив, он не заметит ни плохой погоды, ни других каких обстоятельств жизни, причиняющих неудобства, а, может быть, даже боль», – подумала я, закрывая двери в дом, перед носом зимы.

Наталья Литвякова
@natalia.litviakova

Невеликое счастье

– Ш-ш-ш-ш.

Наверное, только сейчас он понял, о чем говорила его бабушка:

– Счастэ невелико, Боря, ой невелико.

Теперь, когда он был стар, как дуб под его окном, когда кожа была такой же, как кора, когда он стал – деревом – со скованными движениями и костяным языком, – он, наверное, понял её.

– Ш-ш-ш-ш.

Листья, медленно терявшие свою целостность, топтали его крыльцо и его самого, превращаясь в труху.

Всю жизнь слова были его страстью: он писал книги, вёл беседы, мог складывать часами предложения – он был безумен до слов, а к старости его поглотила непонятная болезнь: говорить он мог только буквы по отдельности – звуки, – а сложить хоть какую-нибудь фразу ему было не под силу. Он уподобился природе, дереву, траве, кошке —

– М-м-м.

– Ш-ш-ш-ш.

– Ш-ы-ы-х.

– М-а-а.

– С ума сошёл дедушка? Не понимает? – спрашивала его внучка, но понимал он, как ему казалось, гораздо лучше.

– Х-р-у-у-п-Х-р-у-п.

Сидя на могилке своей жены, он чувствовал, что узнал её, разобрал, что она говорит, когда раньше им требовалось так много слов, чтобы понять друг друга, и иногда эти слова не помогали. А теперь:

– Х-р-у-у-п-Х-р-у-у-п.

По замерзшей земле, и слышно все её печали, и всю её слышно, и это радовало его, а радость его была:

– Ш-ш-ш-ш.

И очень давно была – дуб шумел, – только он этого не мог уловить, слишком много слов было в его голове.

И потом его радость усиливалась:

– Ш-Ш-Ш-Ш.

Шёл дождь.

И-Х-р-у-у-п-Хруп-х-р-у-п-х-л-л

«Сошел с ума Борис Петрович», – говорили.

А у него где-то внутри было:

– Счастэ невелико, Боря, ой невелико.

Бабушка говорила ему это в детстве, когда он изъяснялся примерно так же, звуками, и ему теперь не только было спокойно, что он маленький, но и спокойно было, что он всё понял.

Поля Анрелева

@pollywantsacrakeer

Вкус жизни

Яркие витрины, творение сотен дизайнеров, напоминали о приближении нового года. Ёлки, плюшевые игрушки, сияющие стразами праздничные платья. Каждый из магазинов будто кричал: «Я продаю счастье!», – но Вера их не слушала. Из-за слез всё вокруг искрилось, как в калейдоскопе.

В торговом центре было тепло, но женщина всё ещё не ощущала рук. Перчатки были забыты в такси, шарф остался в квартире, куда возвращаться не хотелось.

Как странно, что за пятнадцать лет ты можешь ничего не узнать о человеке. Как странно осознать, что твоя преданность никому не нужна.

Заметив свободное место на пуфике, женщина присела рядом с пихающими друг друга детьми, открыла сумочку, рассеянно пошарила в ней в поисках бумажных платочков. Рядом с опустевшей упаковкой лежала кредитная карта, пин-код написан на приклеенном к ней стикере. День оплаты за квартиру, с карты нужно было снять ровно пятьдесят две тысячи, ни рублем больше.

Замучив жену ревностью, Максим уговорил её уйти с работы. На каждую упаковку колготок муж требовал чек, и очень скоро Вера отвыкла от того, что люди могут покупать что-то просто так.

Не успев задуматься, она направилась к ближайшему магазину и уже скоро вышла из него в мягком бордовом свитере, сжимая в руках пакет с шарфом и перчатками в тон.

В кофейне была длинная очередь, и Вера не смогла изучить щит с меню до того, как к ней повернулся бариста. У него были татуировки на руках, эмблема на фартуке и аккуратная борода.

– Чем могу помочь?

– А что у вас есть... вкусное?

– Сладкое или нет? С молоком?

– Я не пила кофе уже лет десять. Думаю, лучше сладкое.

– Авторский напиток попробуете? Называется «Вкус жизни».

– Давайте.

Со «вкусом жизни» в руках Вера оглядела кофейню. Свободных столиков не было, и она смущенно подошла к красивому мужчине у окна, сидевшему в одиночестве. На его столе стояла пустая чашечка из-под эспрессо.

– У вас не занято? – Вера осеклась, увидев на подоконнике аккуратный букет, и уже хотела извиниться, когда мужчина грустно взглянул на неё.

– Садитесь, я уже никого не жду.

– Мне кажется или вам тоже не помешало бы попробовать «Вкус жизни»?

И, глядя в удивленные серые глаза незнакомца, Вера наконец улыбнулась.

Барановская Любовь

@alfieapple

Бзык

– Катазттрофа! Катазттрофа! – звонко кричал Бзык, с трудом уворачиваясь от летевшего на него, словно истребитель, воробья.

– Бззз. Ну до чего шустрые стали, – размышлял он, спрятавшись в коре дерева, – никакого покоя. Как все успеть? Семечками их, что ли, не кормят? Вон, все кормушки забиты. Так нет, комарятинки им подавай. Ну вот. Опять опоздал, – вздохнул Бзык, наблюдая за тем, как Пират, дворовый пёс, кружит около молодого дуба, пытаясь согнать оттуда недавно объявившегося в их краях рыжего котёнка.

– Дурила, зачем на дерево-то полез? Он же тебя теперь весь день караулить будет.

Опасность миновала. Воробья на горизонте не наблюдалось, и Бзык начал сканировать обстановку: по дороге от школы, опустив голову, шла пожилая учительница, навстречу ей высокий бородастый мужчина.

– Бззз, – сработал комариный радар. – Значимая встреча. Значимая встреча.

Бзык вскинул крылышки и полетел к мужчине:

– Ззаметь. Уззнай, – звенел он ему в ухо, но мужчина не реагировал.

– Дурила, это ж твоя первая учительница! – надрывался Бзык. – Ну, ладно, не хочешь по-хорошему...

Недолго думая, Бзык впился мужчине в щеку. Тот дёрнулся, хлопнув себя по щеке, и взглянул на проходящую мимо женщину.

– Вера Петровна. Помните меня? Ваня, Ваня Кукушкин.

– Бззз. Ну вот. А то идут, думают каждый о своём, по сторонам не смотрят. Если б не я, так до сих пор и не встретились бы. Мне память поколений помогает. Я сканер включаю и сразу вижу, кто с кем знаком, а кого с кем надо бы познакомить. Вот и рыжий этот взялся ниоткуда и получает от Пирата каждый раз. Надо бы его пристроить.

Хлопанье крыльев заставило молодого комара вздрогнуть. Воробей снова пикировал.

– Катазттрофа!

Стоило Бзыку появиться на свет, как объявился он, Всевидящий Чив. Сложнее всего было укрыться от него. Столько наших уже поел. Воробьи, конечно, к нему так и льнут, воробьи – уважают, ну, а мы – прячемся.

Бзык как-то спасался от него и юркнул в открытое окно, а Чив не рассчитал и в стекло влетел. Бзык уж думал – все. Но нет, полежал немного и оклемался, только на клюве остался небольшой скол.

– Катазттрофа! – вскрикнул, Бзык, наблюдая, как мимо проплывает огромный карий глаз. Чив резко развернулся и снова пикировал на комара, но Бзык сложил крылья, нырнул в сильный порыв ветра и, кувыркаясь, шлепнулся в спасительную осеннюю листву.

– Повеззло, – заползая под кленовый лист, звенел Бзык. – Передохну здесь. И как все успеть?

На улице быстро стемнело, и Бзык выбрался из своего укрытия. Нужно было сделать обход. Он начал обследовать окна. На первых этажах все было спокойно, а вот на шестом сработал радар.

Бзык приземлился на оконную сетку, сложил крылышки, протиснулся в узкое отверстие и проник в комнату. Ссорилась молодая пара. Девушка, выбежала с другую комнату и закрыла за собой дверь. Парень выругался, схватил книгу и начал нервно читать.

– Дурила, извинись. Извинись, – нашептывал Бзык. – Она же ребёнка ждёт.

Парень отмахнулся, отбросил книгу, подошёл к двери:

– Аня. Анют, извини. Дурак был. Не подумал.

Бззз. Готово. Бзык вновь нырнул в открытое окно и очутился на улице, просканировал ещё пару домов. Жаль, не все открывают окна. Тогда путь его лежит через подъезд, но это опасней, там пауки. Караулить под дверью приходится, да и попробуй потом выберись, поэтому вся надежда на открытые окна.

Все утро он старательно хоронился от своего пернатого недруга. День был в самом разгаре. После дождя наконец-то выглянуло солнце. Радар работал на полную мощность. Рыжий комок спал в куче осенних листьев, совершенно неотличимый от них. Выгадав время, Бзык кинулся в гору листвы и ужалил как можно больнее. Листва мякнула, и на дорогу под ноги идущей из школы Вере Петровне выкатился пушистый рыжий комок.

– Ну, здравствуй, Рыжий, – сказала женщина, ласково потрепав котёнка по голове.

– Бззз. Пристроен. Не одинока, – поставил себе галочки Бзык. – Приступаю к новой миссии.

Ещё со времен динозавров мы на посту. Если ты что-то забыл, я напомню, всю ночь над ухом звенеть буду, пока не сообразить, что к чему. Ззаметь, ззабей, ззадумайся, ззамолчи. Я – звенящая тишина. Конечно, не всё и не всегда успеваю. Порой, приходится следующего шанса долго ждать. Эй, Человек, я к тебе обращаюсь. Если...

Договорить Бзык не успел. В этот раз воробей оказался хитрее и проворней.

Прозвенев в последний раз, Бзык наполнил своей памятью миллионы новых тел.

Если вдруг тебя укусил комар, подумай, что ты упускаешь, заметь, запомни, оглянись.

Бззз.

Ольга Володина

@olenka_volodina

Странные существа

– Как думаешь, – зевнув и вытянув лапы, спросил Эрвин, как только раздался щелчок открывающейся двери, – сегодня реветь будет?

Степан невозмутимо моргнул, просыпаясь.

– Сейчас увидим.

Оба кота прыгнули с дивана и уселись на пороге в гостиную, как два сторожа, встречая хозяйку. В следующее мгновение объявилась и сама хозяйка. Хрупкая девушка с рыжими кудрями стянула с себя плащ и теплый шарф, бросив их прямо на пол.

– Плохой знак, – заметил Степан.

Хозяйка выдохнула так, будто держала дыхание весь день. Ее глаза были опухшие, нос красный от постоянного контакта с носовым платком.

– Ненавижу! – воскликнула она без всякого предупреждения и пнула валяющееся пальто. Потом, крутанувшись на каблуках, убежала в ванную, всхлипывая.

Коты переглянулись.

– Третий день, – отметил Эрвин, разворачиваясь и держа путь обратно к дивану. – Сколько можно реветь из-за этого лоботряса?

– И не говори. Он даже не симпатичный. И пахнет как дешевый освежитель воздуха.

– Никогда не пойму человеческую любовь. Он хоть один раз угостил ее колбаской? Хоть раз почесал ее за ушком? Ей-богу, что за отношения такие...

– У людей все по-другому, Эрвин. Она ведь добивалась его целый месяц. Торты ему пекла.

Коты уселись на диван. Они знали, что в каком бы состоянии ни пребывала хозяйка, она накормит их ровно в шесть часов вечера. Потом поест сама. А потом еще и поиграет с ними.

Хозяйка вышла из ванны, шмыгая и вытирая слезы. Она дотянулась сначала до Степана, погладив его, потом до Эрвина, похлопав его по животу.

– Эх, вы мои хорошие... Вы меня точно никогда не предадите! Не то что этот... подлый, мерзкий, вонючий...

– Вот это верно подмечено, – безмятежно размахивал хвостом Степан. – Наконец-то до нее дошло.

– Ничего, успокойся. Может, придется ей помочь. Она не знает, что этот тип оставил свою футболку в шкафу. Я уже ее нашел и... так скажем, «обновил».

– Эрвин, – предостерегающе протянул Степан, пока хозяйка все еще перечисляла все «достоинства» бывшего парня. – В прошлый раз этот номер не прошел.

– Тогда они еще были вместе. Сейчас она только обрадуется, вот увидишь.

Настенные часы пробили шесть раз.

– Сейчас я вас накормлю, – объявила хозяйка, убегая на кухню.

Коты довольно направились следом.

– Может, ей мышь словить? – предложил Степан. – Бегает тут одна... Только, боюсь, визга будет много, соседи опять милицию вызовут.

– Не надо мышь. Но что-то сделать нужно. Она опять ревет.

Действительно, на кухне вместе с шорохом пакета с кормом послышались свежие всхлипы. Эрвин покачал мордочкой.

– Можем устроить паркур. Она всегда заливается смехом, когда мы носимся по стенам.

– Думаешь, сработает?

Ужин прошел в тишине. Хозяйка лишь тыкала вилкой в тарелку, даже не включив телевизор. Высморкавшись в седьмой раз, она ушла в спальню переодеваться. Не успели коты умыться после трапезы, как послышался крик:

- Эрвин Шредингер! Степан Петрович! Кто из вас это сделал?!
- А вот и футболка нашлась, – зевнул Эрвин.
- Я же говорил, что не будет она радоваться.
- По мне, так запах только лучше стал...
- Ну что, паркур?
- Паркур.

Коты начали носиться по квартире, как бешеные поросята. Хозяйка вышла из спальни, «усовершенствованная» футболка свисала с кончиков ее пальцев. Она с удивлением наблюдала за своими котами, и когда уже казалось, что она вот-вот улыбнется, Степан нечаянно задел хвостом настольную лампу, и та с грохотом упала на пол.

– СТЕПАН!

– Ну что ж, – протянул Эрвин, тут же перестав носиться. – Я не знаю, что еще сделать, чтобы ее развеселить.

– Может, ей просто нужно пострадать? Все равно кормит она нас регулярно, – Степан присоединился к Эрвину, и теперь оба сидели и внимательно наблюдали, как хозяйка возвращает лампу на место. – Как там люди говорят? Время лечит? Или что-то похожее на эту ерунду.

Хозяйка повернулась к ним лицом, уперев руки в пояс. Она посмотрела сначала на одного кота, потом перевела взгляд на другого. Степан и Эрвин махали хвостами и отвечали хозяйке безмятежными и совершенно невинными взглядами.

Хозяйка вдруг опустилась на колени и потянулась к своим пушистым питомцам. Степан забрался к ней на колени, скрутившись клубочком. Эрвин начал лизать ее руку. И хозяйка улыбнулась. Эта улыбка была самой искренней за последние три дня.

- Похоже, сработало, – удивился Эрвин.
- А что мы такого сделали? – зевнул Степан.
- Не знаю. Странные существа эти люди.

Майя Еремеева

@maya_eremeeva__

Скрепьш

Нину в нашем дворе знали все. Такая красивая, нежная, светлая. Она улыбается прохожим просто так, всегда благодарит за помощь и просит прощения, даже если совсем не виновата. Моя дочь говорит, что она похожа на облако. У Нины светлый цвет волос и голубые глаза. К слову, моя жена тоже похожа на облако, и дело тут не во внешности. Таких женщин встретишь редко, и мне повезло. Но сейчас о Нине.

Мы с ней познакомились, наверное, в октябре на детской площадке, когда выгуливали наших дочек. Нина была в положении, и я помог ей с непослушной трехлеткой, которая не хотела спускаться с лазелки. Слово за слово, выяснилось, что в марте ей рожать. Ждали сыночка.

Сейчас конец января, а она без живота...

Когда я увидел её после новогодних праздников, то не узнал. Серая тучка вместо облака. И такая колючая. Даже с ребенком говорила неохотно. Мы гуляли несколько дней вместе, и за это время она ни разу не улыбнулась.

– Не знаешь, что с ней? – спросил я как-то у жены, когда мы проезжали мимо детской площадки, и там была Нина.

– Говорят, что начались преждевременные роды. Ребенка не спасли. Ужас, правда? – Марина вела машину и говорила это, осматривая местность, чтобы выехать на трассу со двора.

И, правда, ужас. Я посмотрел на Свету и подумал. Что бы было, если бы нам пришлось хоронить тот комочек, который я забрал из роддома. Меня передернуло. Не скажу, что я прямо млел от младенцев, но мне стало не по себе. И такой холод внутри. Боже, спасибо, что Света с нами. Живая и здоровая.

Но как же сейчас Нина? Я обернулся назад и посмотрел уже по-другому на эту сломленную женщину. Женщину-облако, спрятавшуюся за тучкой.

Мы с дочкой снова шли на площадку. Был февраль, светило солнце, во дворе построили огромную ледяную горку, и ребятня с таким удовольствием каталась с нее. Нина наблюдала со стороны за дочкой. От лица остались только глаза. Выцветшие, безжизненные, когда-то синие глаза, смотрящие в никуда.

Я нашел в кармане скрепшша – это такие резиновые скрепки с нарисованными смайлами, от которых нынешние трехлетки, как наша Светка, сходят с ума, – прицепил его вокруг небольшой конфеты и пошел в сторону Нины.

– Здравствуйте! – сказал я ей. – Мне кажется, что вы что-то потеряли... – я даже нагнулся, чтобы сделать вид, будто поднимаю это «что-то».

– А? – она не слышала меня.

– Говорю, что вы что-то потеряли, – и я протянул ей конфету.

– Не поняла... – она взяла её и посмотрела на фиолетовый смайлик.

– Мне кажется, что я нашел чью-то улыбку. Может, попробуете примерить? Она, конечно, не сравнится с вашей, но, возможно, как временный вариант сойдет? – я улыбнулся ей, надеясь, что она оценит шутку.

Она так пристально смотрела на меня... а потом улыбнулась просто уголками губ. И глаза будто ожили, правда, в них появились слезы. Но это хоть какая-то эмоция.

– Спасибо, – сказала она, спрятав скрепшша в карман.

– Как здорово, что в этом году залили горку, – начал я совершенно бытовой разговор.

– Да, а то детям даже поиграть негде... Как увидели горку с мужем, срочно «ватрушку» дочке поехали покупать...

Она смотрела на меня с такой благодарностью, что я едва сдержался, чтобы не обнять ее. Я видел, как она теребит скрепыша в кармане.

Не знаю, то ли скрепыш, то ли еще что-то случилось, но Нина потихоньку научилась улыбаться снова.

Прошло несколько месяцев. С Ниной мы встречались все чаще на площадке, обсуждали наших девчонок, пока они играли друг с другом. В этот момент у нас с женой случился очередной кризис. Когда происходят подобные дни, я вообще не понимаю, что нас держит вместе, любим ли мы друг друга и стоит ли продолжать. Но мы ждем второго малыша. У нас есть Светка. И мы обязаны им вроде как. Все эти мысли временны, конечно, кризис проходит, и мы снова обнимаемся с моим «облачком» каждый вечер. Но в этот раз «разборы полетов» затянулись. Еще и за окном серый ноябрь.

– Привет, – мы поздоровались с Ниной и начали стандартный разговор соседей.

– Блин! – вдруг вскрикнула она. – Я ж тут что вспомнила! – ни с того ни сего вскрикнула женщина и полезла в сумку. Каково было мое удивление, когда она достала оттуда... скрепыша.

– Мне пока не надо, может, теперь тебе пригодится? – улыбнулась и протянула мне его.

Я, опешив, смотрел на нее. А потом как рассмеюсь. И она засмеялась.

– Только ты не теряй, вдруг потом еще кому понадобится, – она подмигнула.

А я знал, кому я его сегодня отдам. Пришло время помириться с женой.

Анастасия Мартынова

@Stasya_v

Осенняя радость

Новый день встретил барабанной дробью дождя по карнизам. Лихой ветер гонял по небу тяжёлые тучи, склонял ветви деревьев почти до самой земли и поднимал в небо пожелтевшие листья.

Мила укуталась по самые щеки в одеяло и совсем не хотела с ним расставаться, но в комнату ворвался вихрь энергии – малышка Лили уже проснулась.

– Мамочка, мы пойдем гулять?

Мила открыла один глаз и снова закрыла. Семь утра! Ну почему дети просыпаются в такую рань, да ещё и в выходной?

– Маам! – настойчиво повторила Лили.

– Нет... Не знаю... Посмотрим, – пробурчала в ответ Мила.

Ей очень хотелось провести в постели весь день, иногда перемещаясь на кухню, а вечером принять горячую ванну. Но день для себя – это непозволительная роскошь, если ты жена и мама. Особенно второе!

Мила нехотя покинула теплое гнёздышко и вяло поплелась в ванну.

– Мама, а правда, что пчелы больно жалят? А зачем они это делают? А как они делают мёд?

– Чисть зубы...

Лили на мгновение поникла, но тут же в ее светлой головке появилось ещё тысяча вопросов, которые она поспешила озвучить.

«Как же я хочу побыть в тишине... Я устала». Мила и правда была измотана. На работе аврал, муж задерживается допоздна, и она ужасно по нему соскучилась, а тут ещё поделку в садик для Лили нужно сообразить и дом привести в порядок.

– Мамочка, улыбнись. Я тебя люблю!

– И я тебя, – Мила постаралась изобразить на своем лице улыбку, но мышцы будто бы забыли, как это делать, и уголки рта привычно опустились вниз. «Нет, так не пойдет, что там говорила Нани: искать радость в мелочах и замечать мир вокруг? Пора бы прислушаться, а то совсем загоню себя в апатию».

– А знаешь, что мы сделаем, Лили?

У девочки загорелись глаза.

– Мы обуем резиновые сапожки, наденем дождевик и пойдем мерить глубину всех-всех луж в округе!

– Ура! – завизжали от радости Лили.

Лили быстро справилась с завтраком, взгромоздилась на табуретку и старательно вымыла свою тарелочку. Мила улыбнулась, глядя на высунутый язычок и сосредоточенное личико малышки.

Вредные колготки легко поддались и наделись с первого раза. Пара минут и Лили уже стояла у двери в полном обмундировании.

– Я готова! Я первая!

Мила обула свои пестрые сапожки, взяла любимый зонт и показав язык Лили, сказала:

– Кто последний к лифту, тот копуша!

Со смехом и визгами они выбежали из квартиры и наперегонки помчались к лифту.

На улице их встретила стена из дождя.

– Ого... – Мила стала сомневаться в правильности своего решения гулять под дождем.

– Вот здорово! – прошептала Лили и тут же спрыгнула со ступеньки в небольшую лужу.

Во дворе никого не было, и Мила решилась повторить за Лили – и тоже прыгнула в воду.

– Мама, мама, смотри! Там море!!! Можно?

– Пойдем вместе!

Лили взяла маму за руку, и они вместе побежали к огромной луже.

– Смотри, тут по щиколотку! – Лили брела в воде, как маленький катер. – Я делаю волны! – захихикала малышка.

– Давай пускать кораблики? – предложила Мила.

Кораблики пересекали море вдоль и поперек, терпели крушение и нашествие великанов. Мила смеялась и радовалась дождю, луже и кленовым корабликам.

– Вот уж не думала, что такой серый день может подарить столько ярких впечатлений! – сказала Мила мужу за ужином.

– В следующий ливень я буду с вами мерить лужи, – рассмеялся Макс, – можно, Лили?

Лили обняла папу и утвердительно кивнула своей кудрявой головкой.

Ольга Кравченко

@olgakravchenko7398

Официант

Осень безжалостно загнала всех любителей встреч и прогулок в кафе, бары и ресторанчики.

Аня сидела с подругами в одном из тех баров, про которые все знают, хотя бы понаслышке. Тусклый свет разливался по полуподвальному помещению и успокаивал после тяжелого дня.

Молодой и суетливый, но приветливый официант подошел к столику.

– Девушки, что будете заказывать?

Небольшой, но разнообразный список коктейлей и пицца нарисовались в его чистеньком блокноте.

Мальчик (а он выглядел именно мальчиком) улыбнулся и направился к бару.

Разговоры тянулись своим чередом, скрашивая ожидание.

Официант совсем скоро возник у столика с подносом, на котором стояли бокалы и стаканы, стопки и, страшно сказать, банки с разноцветными зельями, трубочками и зонтиками. Часть из этого уже через секунды должна была приземлиться из рук официанта на стол Ани и ее подруг.

И приземлилась, но без бокалов. Руки официанта, явно еще не набравшие ловкости, дрогнули, и бокал выскользнул. Красноватый коктейль разочарованно растекся по столу и поспешил к Ане на коленки.

Мальчик начал рассыпаться в извинениях и стал краснее этого коктейля. Миллион извинений не облегчил его душу. Он попытался улыбнуться, у него не получилось, и он поспешил оставить еще два бокала и ретировался за новым коктейлем. Напоследок, словно хватаясь за последнюю надежду на прощение, бросил: «Я сегодня первый день».

Студент первого курса, с трудом успевающий выходить на вечерние смены, жил в общезитии на Парке Победы. Он приехал недавно, для него город был чужим и грубым, а работа в баре – единственной возможностью зацепиться за новую жизнь, получить образование и никогда больше не возвращаться туда, где вечера заполнены тоской и безысходностью. Сейчас ему казалось, что он разлил не коктейль, а все свои надежды расплескал по липкому столу бара.

До конца вечера официант старался не попадаться на глаза женской компании за угловым столиком. В его суетливых движениях стали явно читаться страх и отчаяние. Первый день, проступок, увольнение, поиски работы выстроились с логическую цепочку, лишая его причин улыбаться посетителям. Зачем? Все равно уволят, если узнают.

А разве никто не ошибается?

Аня сидела и наблюдала за поникшей фигурой неопытного официанта.

Вечер рассыпался на миллионы историй и воспоминаний и закончился счетом и такими привычными обещаниями встречаться почаще.

На угловом столике рядом с деньгами и чеками осталась розочка, скрученная ловкими Аниными пальцами из салфетки и записка ручкой: «Не переживай! Ты станешь лучшим официантом».

В этих двух белых салфетках крылась такая всеобъемлющая теплота, что официант чуть не прослезился.

Мальчик улыбнулся, убрал в карман розочку и послание на салфетке и продолжил работать, снова приветливо улыбаясь.

Прошел год. Аня сидела за угловым столиком. Приветливый официант пронес мимо два подноса, ловко лавируя в узких проходах. Он передал заказы ожидающим их гостям.

– Добрый вечер! Что будете заказывать?

– Добрый вечер! А вы нас помните? Розочка, коктейль, салфетка.

Официант на секунду задумался, а потом расплылся в детской улыбке:

– Да, помню, помню!

Он опустил глаза и тихо добавил: «Спасибо».

Искренняя радость осветила полуподвальное помещению бара, где работал лучший официант.

Дарья Рундыгина

@z.l.dasha

Ответ на её жизнь

Светаёт. Под одеялом темно и тепло, и слышен снаружи птичий щебет.

По весне с утренней зорькой подают голоса первые запевалы, а краешек Солнца над лесом является уже под слаженный разноголосый хор, льющийся с окрестных крыш, деревьев, от опушки ближайшего леса.

Теперь, осенью, хор приумолк. Но начало дня – как начало новой жизни, промолчать невозможно, особенно если ты – летающий резонатор.

Воробьи, прилетевшие зимовать синицы, крикливые сойки и ещё какие-то крохотные птахи (да, пора уже залезть в определитель, пора) разводят хлопоты и суету, как только небо светлеет и становится ясно, что всё, день приходит, пережили и эту ночь, ура.

Женщина ещё не открывает глаз, она тихо перемещается из реалий снов обратно домой, в себя, в эту свою любимую жизнь, в созданную ею и для неё, так называемую «реальность».

Она находит своё тело уютно устроившимся, сонным и плавным. Ей хочется вспомнить подробности снов, так что лучше его пока и не трогать. Пусть лежит как лежало, пусть наслаждается утренним покоем.

Минутка затишья между здесь и там. Она окунается в ощущения и события, только что бывшие с нею, забирая память о них сюда, в новый день.

Успеть бы схватить, что там было и как, пока не припёрся старший помощник, бодрый, отдохнувший и готовый ко всему. Этот не даст долго прохлаждаться. Зацепится за любую, да за первую попавшуюся детальку этого мира, выстроит привычные пути и дорожки, станет выдавать инструкции, напутствия и советы.

Да вот он уже здесь, явился – не запылится, без приглашения, как обычно.

Она всё ещё меж сном и явью. Там неизведанно и странно, и, быть может, оттого ей кажется, что вот-вот найдётся уже ответ. На её жизнь.

Но миг безвременья сладок и краток. И вот уже коровьи била дилинькают прямо в ухо, и слышится ровный хрум зажёванного вдоль забора сочного ещё пырея.

Женщина переворачивается на спину, высовывает из-под одеяла нос, открывает глаза. Здравствуй, новый день, здравствуй, мир!

И тут же обрадованный Старпом ловко разворачивает перед ней картину событий, пестрящую готовыми решениями вчерашних трудностей. Он весело жонглирует новыми идеями, стремясь приукрасить и улучшить её любимую так называемую «реальность».

Одна из идей захватывает женщину, заставляет построить путь и план, как туда добраться, что и где добыть по дороге, какие условия обеспечить для успеха дела.

Неожиданно решённые, вчерашние сложности радуют, придают сил и вдохновения. Под таким натиском её тело окончательно просыпается и срочно требует холодного душа. Чтобы смыть с себя остатки мечтательности и всяких там странных миров. Впереди великие свершения, следует соответствовать.

Старший помощник – ум – от холодной воды примолкает ненадолго. Женщина смотрит в горизонт, ладонями смахивая с себя искрящиеся на утреннем солнце капли, и улыбается. «Может быть, когда-нибудь и я полечу, как птица», – думает она в тишине.

После, вместе с одеждой, надевает она на себя привычные дневные заботы. Выспавшийся ум деловито и сосредоточенно берётся помочь ей справляться со всякими мудрёными делишками.

И она, привычно не отделяя его от себя, говорит однажды подруге за чаем: «Ты знаешь, а я всё придумываю, планирую и решаю утром, когда проснусь».

А ещё, очень изредка, делится своей секретной маленькой радостью: «Представляешь, нынче во сне я понимала, что сплю!»

И они вместе провожают взглядом улетающую в горизонт серую цаплю.

Васильева Вероника

@nika_suok

Сила рода, или чай с антоновкой

– Все у тебя будет хорошо, деточка, – Тамара посмотрела поверх узеньких очков, опуская на стол чашку, испещренную изнутри узорами кофейной гущи, – тебе помогает сила рода, помни об этом.

...

– Четыре свечки, пожалуйста, – Маша протянула одинокую купюру через деревянную столешницу, на которой были разложены товары церковной лавки.

– Минуточку, – служительница держала в руках два пакета, завязанных сверху на узелок; она замешкалась: – Вы мне не поможете?

– Конечно! – будто извиняясь за свою невнимательность, отозвалась Маша.

– Положите, пожалуйста, яблоки вон в ту корзину, – служительница водрузила пакеты на столешницу.

Яблочный аромат нежно обнял Машу и просочился в ноздри:

– Антоновка!

– Да, антоновка из нашего монастырского хозяйства.

В мегаполисе антоновка была редкостью, скромная с виду, но с дерзким характером. Такой сорт было нигде не купить.

– Они продаются? – с замиранием сердца спросила Маша.

– Да, пятьдесят рублей за пакет.

В одном пакете яблок было килограмма на три. Вот так диво!

– Я возьму два.

Маша расплатилась, поставила свечки в церкви и вернулась домой, неся в обеих руках благоухающие сокровища.

Раньше антоновка росла у бабушки на даче, наливаясь соком к началу осени. Яблок было столько, что съесть их все было просто невозможно. Тогда Маша со всей семьей отправлялась на дачу в компании соковыжималки. Бабушка и отец собирали яблоки, мама мыла их в ледяной воде из подземного колодца, а Маша с братом резали и заталкивали пластиковой ступкой в соковыжималку. Из тонкого носика на другой стороне рычащего агрегата струйкой лился ароматный сок – только успевай подставлять бутылки! Сок везли домой и закатывали в большие пузатые банки на зиму.

Маша вошла в свою холодную одинокую квартиру, положила пакеты с яблоками на стол, машинально нажала на кнопку электрического чайника.

Три года назад Маша рассталась с Вадиком, это были тяжелые отношения. Вадик не хотел ее отпускать, устраивал скандалы на работе, ждал возле дома. Однажды он подкараулил ее в подъезде, Маша тогда страшно испугалась. Глаза Вадика отливали каким-то истерическим блеском, он угрожал, плакал, стоял на коленях и просил дать ему еще один шанс. Он вел себя как наркоман, которому нужна была доза. Маша чувствовала, что еще немного – и он перейдет черту. Ей пришлось сменить место жительства и уйти с работы. В те дни она жалела, что не живет в стране, где есть запретительные ордера.

Щелкнула кнопка чайника, вода вскипела. Черные завитки заварки падали в чашку, звонко ударяясь о фарфоровые стенки, кружились в водовороте льющегося кипятка, наполняли воду цветом и ароматом. Маша достала из пакета душистое яблоко антоновки, обмыла в проточной воде и начала нарезать тонкими дольками. Опустив несколько долек яблока в чашку с чаем, Маша замерла от изумления. Антоновка, чай – так делала ее бабушка, только она добавляла дольки свежего яблока... О, боже!

Маша тут же вспомнила слова Тамары:

– Тебе помогает сила рода, помни об этом.

К гадалке Маша пошла скорее от отчаяния. Когда закончилось испытание Вадиком, другая напасть ходила за ней по пятам. Маша третий год жила одна, и это щемящее одиночество начинало ее угнетать. Внутренний мир Маши напоминал безлюдную степь, по которой ветер гнал перекасти-поле.

Отпив несколько глотков чая, Маша вдруг вспомнила кое-что еще. Она отставила чашку и достала из шкафа фотоальбом. За одной из ее школьных фотографий была спрятана маленькая карточка с изображением бабушки, а на обороте – слова Дейла Карнеги, написанные красивым мелким почерком: «Если судьба преподносит тебе лимоны – сделай лимонад!»

На следующее утро Маша проснулась в удивительно хорошем настроении и твердо решила отправить хандру в отставку. Раздвинуть шторы, начисто вымыть окна, впустить в холодную квартиру еще теплое осеннее солнце. Покончив с уборкой, она привела себя в порядок. Такая красотка не должна сидеть дома!

– Пойду-ка погуляю в парк, – заявила Маша своему отражению в зеркале и улыбнулась.

Маша ждала лифт, который никак не хотел приезжать, в ее руке красовалось большое зеленое яблоко.

– Антоновка, – низкий мужской голос неожиданно послышался у Маши за спиной, – на весь коридор пахнет.

Маша обернулась: ей улыбался незнакомый молодой мужчина, и она невольно улыбнулась в ответ:

– Да, антоновка, настоящая редкость.

– Меня Андрей зовут, я ваш новый сосед, переехал несколько дней назад.

– Здорово! Я Маша. Заходите в гости, угощу вас антоновкой.

Нана Мо

@_to_nana

Последние рассветы

– Я не ждала вас так рано, инспектор Рингли! – Джулия Кампари отплыла чуть в сторону от люка, пропуская меня вглубь станции, – гравитация включится через пятнадцать минут. Вам показать каюту?

– Нет. Я ненадолго. Где мы можем поговорить?

– Общий зал подойдёт?

Я планировал закончить моё расследование быстро.

Вы, конечно, помните, что год назад завершилась полная эвакуация с Земли. Человечество окончательно убило планету и было вынуждено переселиться на Луну. Теперь мы прячемся в её тоннелях. Сбылось самые мрачные прогнозы. Кислотные дожди, пылевые тайфуны, атмосфера, непригодная для дыхания – вот от чего мы сбежали.

Когда-то станция Z-400 была рассчитана на двадцать человек. Её населяли операторы изменения погоды и техники. Сейчас два механика сменяют друг друга каждые три месяца. А Джулия почему-то отрабатывает четвертую вахту подряд. И снова не подала рапорт на замену. В её обязанности входит анализ данных, поступающих с камер, оставшихся на Земле. Все 3678 объектов дают устойчивую картинку. Похоже, это смущает только меня.

Сначала с помощью станций типа Z пытались влиять на климат. Безуспешно. Сейчас почти все они законсервированы. «Четырёхсотка» – узловая, командный пункт. Самое большое хранилище данных о погоде на Земле.

Включилась гравитация. Мы сели за стол друг напротив друга. Я рассматривал девушку и медлил с началом разговора. Темноволосая, короткая стрижка, спокойный взгляд серых глаз. Держится хорошо, лишь чуть дрожат тонкие пальцы.

– Джулия, тебе нравится здесь работать?

– Да. Здесь я могу видеть рассветы.

– Записи с камер? Но ты на этом ещё и неплохо зарабатываешь? – Она явно не ожидала, что я оказался в курсе её бизнеса. – «Селен ньюс» покупает у тебя онлайн-трансляции за весьма кругленькую сумму!

– Ну, раз вы знаете, – глупо отрицать. Но я рада, что это ещё хоть кому-то нужно.

– Должен тебя разочаровать, скоро они откажутся и перестанут пускать на заставках восход Солнца с разных мест Земли. На многих людей это действует угнетающе, пустые города и всё такое... Напоминает о том, что мы потеряли.

– Можно? – Джулия вывела на большой монитор город, вдали виднелся узнаваемый силуэт моста. Солнце подсвечивало туман.

– Хороший выбор! Сан-Франциско, Пирамида Трансамерика, – я понял, что она хотела мне сказать, и улыбнулся. – Вот только эта камера не работает уже два месяца. Давно ты написала программу, которой заменила трансляции? Скажу честно – талантливо! Учтено всё: и время года, и погода в точке в настоящий момент. Даже я не сразу тебя вычислил.

– Что со мной будет? – она взглянула мне в глаза.

– Хочу, чтобы ты работала на меня. Ну... или я сдам тебя комиссии по профессиональной этике.

Знаю, я не оставил ей шанса, но решение надо было принимать быстро. Очень скоро на Z-400 придёт решение о закрытии. Сотрудников отправят на переподготовку, оттуда забрать её будет почти невозможно. Я дал ей полчаса на сборы, а сам переключил изображение на мониторе.

Как я узнал, что большинство камер не работает, и онлайн-трансляция по ним не ведётся? Источники питания. Аккумуляторы давно сели, солнечные батареи забиты песком, с остальными расправился ветер. Десять месяцев назад я сам написал программу с псевдови-

деорядом. По моей задумке, камеры должны были выходить из строя постепенно, но Джулия с этим не согласилась...

Челнок отстыковался от станции. Мы летели на Луну. Огромная серая Земля осталась позади. Там тускло отсвечивали бурые материки, грязные завихрения циклонов набирали обороты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.